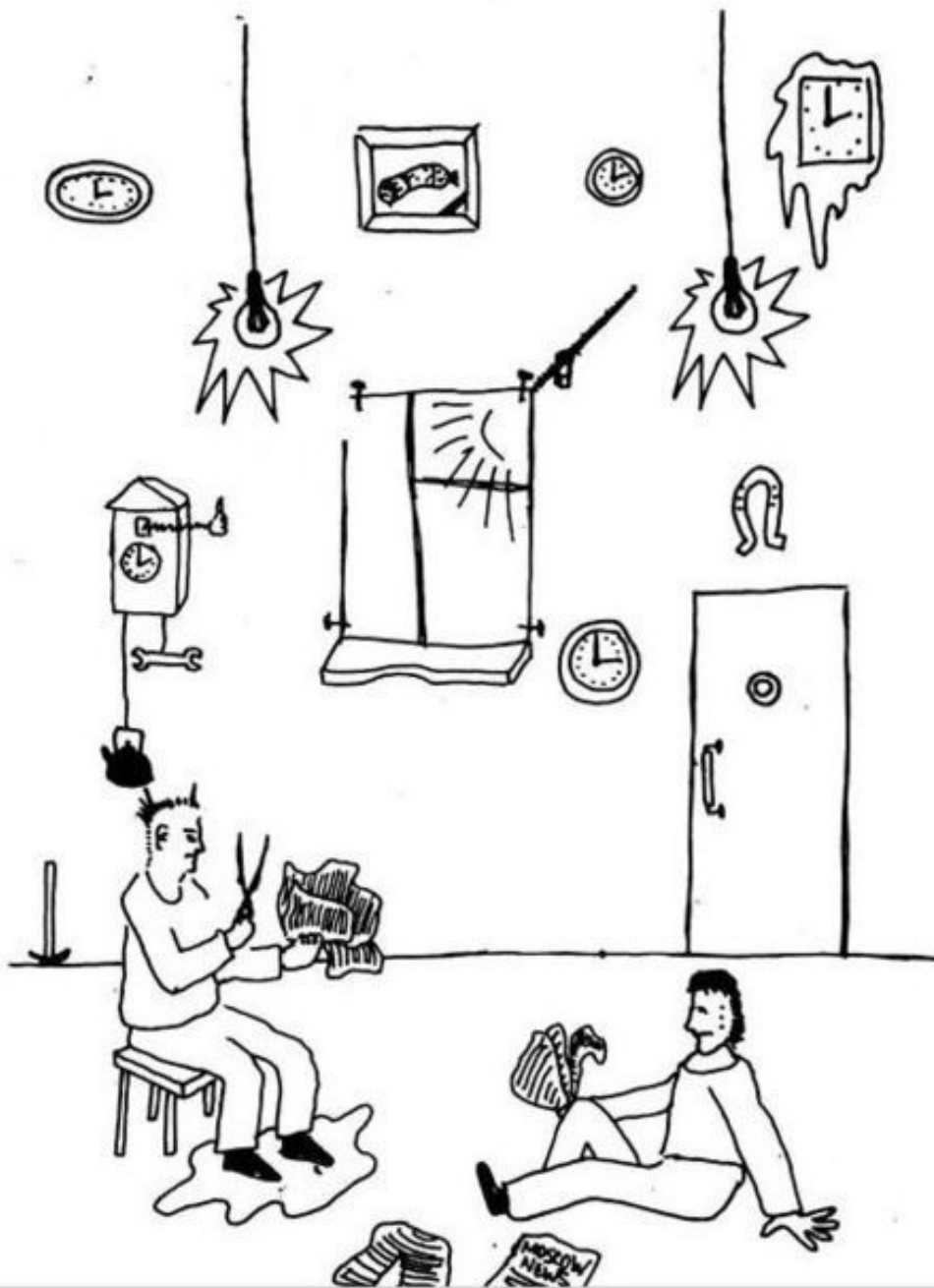


18+

АЛЕКСЕЙ КАРАКОВСКИЙ

Любовь — это дно



Алексей Караковский

Любовь – это дно

«Издательские решения»

Караковский А.

Любовь – это дно / А. Караковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938082-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «... и небо, представьте, над нами всё ещё голубое, и слёзы в глазах — это тоже часть меня, и даже если пройти по диагонали весь круг, он всё равно никогда не закончится, потому что безумие — оно шарообразно, оно материально, я могу дотянуться до него, и я снова и снова касаюсь рукою безумия...». В новый сборник Алексея Караковского вошла сюрреалистическая проза, написанная, в основном, в девяностые-двухтысячные годы. Большая часть текстов сборника публикуются впервые.

ISBN 978-5-44-938082-1

© Караковский А.
© Издательские решения

Содержание

Сад Манделыштама	6
Семидесяты	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

ЛЮБОВЬ – ЭТО ДНО

Алексей Караковский

Художник Алексей Караковский

Соавтор рассказа "Полночь через полночь" Михаил Гусман

Соавтор рассказа "Электричка на Апрелевку" Владимир Караковский

© Алексей Караковский, 2020

ISBN 978-5-4493-8082-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сад Мандельштама

Главное, выбежав из вагона, успеть первым на эскалатор: тогда можно будет пробежать одним духом весь лестничный пролет и не оглядываться ни на неизбежную толкучку, ни на огромный рекламный плакат Донского кладбища, сэкономив, таким образом, несколько минут.

Юра Вологжанинов, перспективный специалист, сотрудник издательства «Гидравлик Пресс» опаздывал на свидание. Его возлюбленная, студентка Дина, конечно, простила бы промах, но Юра предпочитал быть точным даже в мелочах, справедливо полагая, что это неминуемо отразится на его персональном рейтинге.

Вылетев из метро «Фрунзенская», Юра бросился было в сад Мандельштама, но ещё изда-лека заметил, что на условленном месте любимой девушки нет. Тогда, уже не торопясь, он подошёл к ближайшей скамейке и праздно оглянулся по сторонам.

Внимание Юры привлекла парочка, дискутирующая на неизвестные темы чуть ближе к пруду: девушка отобрала у своего попутчика небольшую брошюрку, которую он до этого мял в руках, и, вырвав оттуда несколько страниц, нервным жестом воткнула их в щель скамейки. Юноша же вытер со лба пот и повёл девушку куда-то в сторону метро. Эта последовательность действий показалась Вологжанинову довольно странной – чисто в абстрактном смысле, разумеется; не занимая ни одной тысячной напряжённого ожиданием сознания.

Стало скучно. Вологжанинов покормил птиц куском булки, завалившимся в кармане, – булка закончилась, птицы разлетелись. Потыкал носком модельного ботинка камешки – глупо... в общем, видимо, именно потому, в конечном счете, внимание Юры привлекла одна из давешних книжных страниц, ещё не вырванная ветром из щели в скамейке. Юра расправил бумагу и стал читать.

Текст оказался на первый взгляд не очень понятным, но занимательным.

*...однажды, играючи, я создал все сущее / потом пришёл в этот мир под
видом одного из порожденных мной / и эта игра настолько увлекла меня / что
я забыл / куда хотел вернуться*

*меня сначала очень смешили церкви / теперь я уже привык / их
посетители поют хвалу моим изображениям / и не способны угадать меня
в числе себе подобных / только потому / что в глубине души каждая скотина /
мнит себя венцом творения / поэтому им невыгодно моё существование*

*потом я понял / что я всего лишь облик / воплощение / и разбей этот
облик / моя суть вырвется на волю / и так будет с каждым / кто освободится
от представлений о себе / истинно говорю вам*

*когда я думаю о своём будущем / мне хочется покончить с собой / я знаю,
такие люди, как я / всегда бесперспективны / мы ничего не можем довести
до конца / включая свою жизнь / дающуюся нам по воле полового инстинкта*

*не хочется и думать об этом / раньше мне казалось / что окружающие
хотят меня убить за то, что я лучше них / потом я понял, что они вряд ли
убьют меня именно по этой причине / ведь их посредственность граничит
с беспомощностью / и тогда я понял, когда я умру / я умру, когда не успею
их всех уничтожить*

– Юра!

Он поднял голову. Рядом стояла виновато улыбающаяся Дина.

– Извини, опять опоздала. А что это ты такое читаешь?

Юра протянул ей лист; Дина, обладавшая навыками быстрого чтения, изучила его мгновенно.

– Ну и чушь же печатают сейчас! Хотя, знаешь, не выбрасывай эту галиматью, я в автобусе перечитывать буду. Ваше хваленое издательство тиражирует сплошное занудство!

– Зато я там деньги зарабатываю, – резонно ответил Юра.

Текст он решил сохранить.

Юра Вологжанинов был поразительно везучим человеком. Закончив школу, он, разумеется, сразу же попал в вооруженные силы России, где в составе их ограниченного контингента прибыл в Среднее Поволжье. В это время там так раз разгорался новый межэтнический конфликт. Выжив в кровавой мясорубке семнадцатого безуспешного штурма Чебоксар, Юра был прикреплен к военной базе на Полярном Урале. Там он спокойно дослужил оставшиеся по закону о воинской обязанности пять лет военной службы и вскоре вернулся в родную Москву. Дома он быстро нашел хорошую высокооплачиваемую работу и зажил очень даже неплохо по сравнению со многими другими своими соотечественниками.

В России к тому времени уже полтора десятилетия был объявлен Режим Наибольшего Благоприятствования. Всячески поддерживалась народная инициатива по созданию легальных проправительственных партий, блоков и просто очередей в магазинах; оппозиция в третий раз за второй год была наказана и заперта в здании парламента. Если верить телевидению, занималась она там исключительно каннибализмом и вербальным сексом.

Правда, поначалу страну несколько раз в год также сотрясали скандалы, связанные с обчётом голосов, подкупом избирателей и избиранием покупателей; однако, вскоре федеральный бюджет традиционно развалился, и для экономии средств выборы было решено больше не проводить. По мнению всех специалистов, это жесткое решение привело к мгновенному понижению уровня коррупции в стране; многие обозреватели отмечали это и на своём собственном примере.

Безнадежно разросшаяся Москва концу правления Пятого Президента России была разделена на восемь зон, вписанных друг в друга (начиная с Первого Президента руководителей страны, оставивших свой пост канонизировали и запрещали называть по имени; видимо, по той же причине, почему житие патриархов Русской Православной Церкви никогда не упоминалось всуе даже после их смерти).

Градация зон была простой и продуктивной. Правительственными зонами считались Первая и Четвертая, Вторая заключала в себе преимущественно офисы крупных фирм, Третья, совсем небольшая, состояла из транспортного кольца и небольшого количества зелёных массивов. Пятая, Шестая и Седьмая зоны представляли собой сплошные, концентрированные спальные районы с жилищными условиями прямо пропорциональными доходу хозяина квартиры.

Что же касается Восьмой зоны, то она была предназначена отнюдь не для проживания в ней людей, а для нужд хозяйства пятидесятимиллионного города. Однако, именно в ней группировалось большинство населения Москвы. Почти все из них были уроженцами других городов России; наиболее счастливые из них имели статус беженцев и потому могли рассчитывать на продовольственную помощь из-за границы. Впрочем, невзирая на это ежегодно в Восьмой зоне от голода и различных болезней умирало от восьми до десяти процентов жителей. Поэтому в разговорной речи эту зону редко называли по номеру, именуя чаще всего просто «зоной».

Законодательством была разрешена деятельность всех религиозных учений и сект, получивших лицензию в Священном Синоде. Молодые люди, отслужившие в армии, охотно шли на службу в Христианскую Ассоциацию Наглядной Агитации (ХАНА) для того, чтобы проповедовать православие, государственность и духовность с оружием в руках, и добровольцы

находились всегда, потому что из каждого призыва примерно треть все-таки выживала. Плоды их полной опасностей работы как ничто другое укрепляли вертикаль власти в стране.

Особенно ревностными приверженцами православной веры стали народы Кавказа, число которых достигло к тому времени восемнадцати человек. Например, широкое освещение в печати получил случай, когда чеченец Иван Бурцев по религиозным соображениям занялся геноцидом и полностью вырезал калмыцкое население России в лице престарелого алкоголика дяди Мити. Преступника освободили по амнистии прямо в зале суда под громкие аплодисменты всего остального чеченского народа в лице президента Республики Чечня Петра Кузнецова.

Многие субъекты Российской Федерации были распущены за фактическим отсутствием населения. Беженцы из экономически безнадежного и потому расформированного Сахалина поначалу заполнили собой крупные города Приамурья, но вскоре были вытеснены оттуда и отчасти истреблены более выносливыми и агрессивными уроженцами отменённой ещё раньше Магаданской области.

Последовательная и гибкая национальная политика, проводимая правительством, привела к тому, что на всем Приморье, в Алтае, Северном Забайкалье, Поволжье и Полярном Урале тлели межэтнические конфликты и религиозные бунты. Город Шагонар с окрестностями, например, объявил о своём выходе из Республики Тува и вхождении в состав Рязанской области. Мусульмане Башкирии и старообрядцы Урала, объединившись, объявили о создании новой Унитарной Церкви Второго Пришествия Магомета. Ханты и манси почти полностью истребили друг друга, когда вдруг поняли, что и тех, и других ещё раньше уничтожили ненцы.

Однако, государственные телеканалы привычно заполняли эфир рекламой косметики, алкоголя и контрацепции, не мешая государству заниматься своими прямыми обязанностями по неуклонному повышению благосостояния оставшихся в живых граждан России. По этим и другим причинам к концу правления Восьмого Президенту правительству удалось повысить средний уровень жизни в стране до трудно достигаемого примера таких супердержав, как Афганистан, Вьетнам и Ангола. Российские экономисты зафиксировали в стране небывалый рост национального дохода и, запасая перловую крупу, приготовились к началу процветания.

По дороге с работы и дома Юра не раз задумывался о таинственном книжном листке, но всё это, как правило, заканчивалось тем, что он начинал представлять себя то светильником, то тополиным пухом, а однажды и вовсе гидроэлектростанцией. Тогда он обычно приходил к Дине. Начитавшись, они надевали противогазы, чтобы не целоваться, и садились у окна смотреть армию.

В городе шли военные учения, недвусмысленная наглядность которых была одним из главных завоеваний эпохи тотальной демократии. На широком Чернобыльском проспекте ломали асфальт при помощи танков. В воздухе шла напряженная борьба между облаками, фиксируемая с помощью новейшей радиолокационной техники. В верховьях Яузы завершал свой последний рейс линкор «Хасавюрт». Неподалеку по взлетным полосам гонялись друг за другом новейшие атомные истребители «Слепень».

– Я хочу быть охотником, – неожиданно произнёс однажды Юра и резко закрыл окно.

– Что? – не поняла Дина.

Юра снял противогаз, чтобы было лучше слышно.

– Все просто. Я хочу стать охотником для того, чтобы закончить то, о чем говорил автор Листка: я хочу убивать представления о нас, которые подменяют собой нашу душу. И когда я убью последнее представление, пустоты больше не будет, и тогда всё станет таким, каким и должно быть на самом деле.

Дина вздохнула.

– Хорошо. Только тебе нужно, наверное, оружие... я могу позвонить Никите Августовичу... он-то наверняка поможет.

Как и ожидалось, продавец оружия Никита Августович за вполне необременительную плату помог раздобыть всё необходимое, и вечером того же дня Юра отправился на свою первую охоту.

– Только поосторожнее, мой мальчик, – гундел на прощание старый проходимец Никита Августович, – испытывая мой товар, ты испытываешь честь моей фирмы...

Юра был спокоен и за себя, и за честь фирмы. Всё было разработано до мелочей.

Забравшись на крышу стандартной для Пятой зоны пятиэтажки на углу Афганской улицы и Воздушно-десантного проспекта, Юра надел маску, камуфляж, и установил должным образом альпинистское снаряжение. Закрепив трос, он спустился без особых затруднений на балкон третьего этажа. Заглянув в окно, Юра понял, что семья известного политолога Ивана Панельного в сборе. Мгновенным ударом кулака выбив оконное стекло, он оказался в гостиной комнате. Жена, дети, домашние животные и комнатные растения политолога застыли в ужасе. Юра сделал успокаивающий жест в их сторону и обернулся к работающему телевизору, по которому вещал о чем-то в прямом эфире глава семьи. «Отлично», – подумал Вологжанинов и, тщательно прицелившись, ударил прикладом по изображению на экране.

В последний момент изображение заметило надвигающуюся угрозу и подняло было руки, но поздно. В комнате раздался взрыв, звонко полетели во все стороны осколки битого стекла и тайваньской электроники. Семья известного политолога рухнула на пол в молчаливой истерике; Юра же поднял с пола винтовку и, не торопясь, удалился из комнаты тем же способом, что и пришёл.

Юра выходил на охоту каждый вечер, примерно в одно и то же время, руководствуясь телепрограммой из модного журнала «ТВ-зона». В пути его неизменно сопровождал десантный рюкзак со спецснаряжением, добрая старая снайперская винтовка, из которой ему так и не довелось сделать ни одного выстрела, и помещённый в кожаный мешочек на груди Листок. Этот амулет охранял его от любых неожиданностей.

Никто не подозревал о тайных Юриных приключениях. Коллеги-издатели после работы всё так же пили с ним шерри в коктейль-баре «Аушвиц», совершенно не догадываясь, что находятся в одной компании с маньяком, таинственным уничтожителем телевизоров, уже не один месяц приводящим в ужас огромный город.

Однако, постепенно Юра стал подозревать, что охотится не один. Иногда он замечал за собой какую-то странную тень, а однажды, придя на очередной объект, увидел плачущую старуху-мать возле только что уничтоженной мишени. «Опоздал...», – догадался Вологжанинов, и, не теряя ни минуты, кинулся вдогонку за соперником. Забравшись на крышу, он увидел юного белокурого паренька, деловито распутывающего парашютные стропы.

– Здорово, – сказал Юра.

– Привет, – поздоровался парень, – как работа?

– Сегодня ты меня опередил.

– Ты меня тоже два раза опережал.

Они закурили. Юра с интересом смотрел на собеседника. В нем чувствовалась подготовка участника установления конституционного порядка в Приморье. Неожиданно Юра понял, что хотел бы у него спросить.

– Слушай, а ты видел это? – спросил он, достав из-за пазухи заветный кусок бумаги.

Вместо ответа парень достал из внутреннего кармана другой Листок того же формата и протянул его Юре.

*...я иду по улице, смотрю на прохожих, а это и не люди вовсе /
их лица значат больше, чем они сами / потому что они хотят*

*соответствовать своему облику, а не наоборот / мерзкие твари, лишённые
всякой индивидуальности / а ведь именно для них я пишу свои статьи и книги /
и вынужден я их писать там же, где они их и читают / в МЕТРО!!!*

*хотя если серьёзно играть в эту игру / надо спуститься до их
недосуществования / и я спускаюсь / у меня даже вполне неплохо выходит /
только очень уж противно*

*тошнота притупила все чувства / чаще всего теперь я вообще не думаю
ни о чем / и не потому, что больных тем слишком много / а просто потому,
что я тупой / большую часть времени я способен только на самосозерцание /
поскольку лавину мыслей о мирских заботах я бы не выдержал / их надо
вылавливать по одной / каждую в своё время*

*а ведь глупо постоянно осознавать собственную индивидуальность /
будь то очередной спектакль, или концерт, созданные мной / и тем более
неудобно, когда ЕДИНОМЫШЛЕННИК становится даже ближе друга / но я
не идиот и не хунвейбин / для меня эти понятия всё-таки иногда совпадают*

*я больше уже не мучаюсь / бессильным вопросом КАК ЖЕ ЭТО
ТАК? / теперь вместо отчаяния в подобных случаях я равнодушно спрашиваю
себя КУДА ТЕПЕРЬ? / и, что интересно, часто нахожу ответ / а вообще я
уже давно растерял себя настолько / что пустота стала моей личной
характеристикой / лишь поэтому я счастлив / хотя совершенно не чувствую
себя счастливым*

*крайне забавна полная анонимность / отсутствие облика / поэтому
уместно спросить, кто же сейчас пишет эти строчки / увы, как можно
ответить на такой вопрос?*

– Кто же всё это написал? – задумался Юра, прочитав написанное.

– А вот этого, братишка, я тебе знать не советую, – ответил парень, – я, конечно, вижу, что боевая подготовка у тебя хоть куда (ты, кстати, не в Первую Чувашскую её получил?), но, видишь ли, какое дело, до сих пор я не встретил ни одного человека, оставшегося в живых после открытия тайны авторства манускрипта. Все они либо были убиты, либо покончили с собой, либо просто исчезли без следа.

– Ты, конечно, как хочешь, – жизнерадостно ответил Юра, – а я всё равно докопаюсь до истины.

– Ладно, это твоё дело, парень, только ты бы шёл отсюда. Я тебя, конечно, не гоню, но мне ещё, видишь ли, надо скрыться с места преступления до приезда наряда. Так что дорога каждая секунда.

– Ну, раз так, тогда счастливо тебе! – ответил Юра.

С этими словами он нырнул в чердачное окно, спустился по чёрной лестнице на улицу и поехал на попутном бронетранспортёре домой. Парень же остался сидеть на крыше и всё так же деловито продолжал распутывать стропы. Не дождавись приезда сил Закона, он тоже спустился через чердак на улицу и отправился пешком куда-то по улице Диверсантов в сторону Седьмой зоны.

Больше Юра не встречал признаков белобрысого охотника; тот исчез, как будто его и не было. «Может быть, он узнал, кто является автором книги, и пропал?», – строил догадки Юра.

Однажды, с утра отправляясь на работу в своё издательство, он столкнулся в дверях подъезда с полуофициально одетым молодежавым господином, нервно сжимающим в руке диктофон.

– Послушайте, это не вас ли зовут Юрий Вологжанинов?

– Да, а что случилось?

– Здравствуйте, моё имя Василий Порфиоров, я работаю в телекомпании «Дежавю». Позвольте задать вам несколько вопросов!

– В чем дело? – удивился Юра.

– Скажите, ведь вы убийца?

– Вы чего, с ума сошли? – вконец изумился Юра.

– Не притворяйтесь, что вы ничего не поняли. Мы давно уже знаем, что вы опытный охотник-убийца. И то, что мы располагаем вескими доказательствами существования этой стороны вашей жизни, как нам кажется, заставит вас прислушаться к нашему предложению. Предложение очень простое. Со своей стороны мы гарантируем вашу полную неприкосновенность перед законом и, разумеется, профессиональный контракт. От вас же требуется всего-навсего выступление в нашем новом ток-шоу «Чёрная Маска». Так что советую хорошо подумать над нашим предложением!

– Молодой человек, вы меня, скорее всего, с кем-то перепутали. На вашем месте я бы немедленно покинул бы мой подъезд! – стараясь сохранить максимально вежливое и тактичное обращение к собеседнику, ответил Юра.

Журналист не заставил себя долго ждать и отбыл в неизвестном направлении так же неожиданно, как и появился. Однако, с того дня Юра несколько раз был вынужден уходить от слежки, осуществляемой монахами из секты коммунистов седьмого дня; дважды, придя на очередной объект, он заставлял там громких и нахальных людей с телекамерами и татуировками. Вскоре журналисты и их подопечные стали, уже не скрываясь, шляться у Юры на работе и даже по квартире как у себя дома.

– Пора уходить в подполье, – сказал он однажды Дине. Та скептически ответила:

– Что, ты думаешь, они так просто от тебя отстанут и всё сразу забудут? Что-то не верится! Знаешь, на твоём месте я бы согласилась с их предложением, пока они ещё не вынуждают тебя принять их условия силой.

В тот же вечер Юра принял предложение телекомпании «Дежавю».

Выступив на нескольких ток-шоу «Чёрная Маска», Юра быстро стал большой знаменитостью. Его портрет украсил обложки всех модных журналов. С ним считали престижным общаться известные политики, бизнесмены, музыканты, спортсмены. Однажды он попал даже на прием к Президенту России Семёну Сморгочеву; тот как раз сменил на своём посту Восьмого Президента России и поэтому всё ещё говорил о реформах.

Пронырливые журналисты мгновенно прозвали Юру «виртуальным киллером». Глупое, но броское название сразу прижилось. Понятие «виртуального теракта» вошло в качестве термина в социальные и психологические науки; его культурно-исторические корни обсуждали на международных конференциях седые теоретики. Об уголовной же ответственности Юры за совершенные им преступления после незаметного вмешательства компании «Дежавю» все соответствующие случаю органы быстро забыли.

Молодежь почитала Юру за одного из самых легендарных своих героев. Политически гиперактивные студенты из Московского Государственного Университета Гражданской Агитации регулярно проводили на площади Воскрешения Родины красочные манифестации с торжественным разбиванием телеэкранов. Сверхновая звезда музыкальной эстрады поп-группа «Горячая точка» выпустила новомодный шлягер «Убей в себе телевизор». Словом, Юра был везде: на всех плакатах, по всем телепрограммам, на всех радиостанциях. Скопив небольшой капитал, он уволился с работы в своём издательстве и решил жениться на Дине.

Однажды, вернувшись с одной из съёмок телепрограммы «Чёрная Маска», Юра застал любимую утирающей слезы.

– Что произошло?

– Читай! – ответила она ему и протянула какую-то тоненькую брошюру, открытую на одной из последних страниц.

Вологжанинову хватило всего лишь одного взгляда, чтобы опознать текст.

*СЛЭШ / говорили мне / СЛЭШ / зачем тебе все это нужно? / ведь ты же не гений, ты просто талант / идиоты / отвечал я / вы даже не таланты / молчали бы лучшие, раз уж вам всё равно по большому счету нечего сказать
вы объявили меня пророком / но я не пророк / вы же сами спросили меня, кто я / и я ответил, что я Бог / а когда вы спросили меня, что я хочу / я ответил, что ничего не хочу / даже такие элементарные вещи вы оказались неспособными усвоить*

я знаю, вы зачем-то ждете второго пришествия Христа / и даже не замечаете, что он уже здесь, среди вас

...итак, игра окончена / результаты ясны / наше существование оказалось всего лишь отражением в стекле вагона метро / и люди, искавшие смерть, нашли её / и табун коней вороных / вслед за табун коней белых / промчался куда-то в сторону ближайшей скотобойни

как выяснилось, основная идея бытия / действительно заключается в том, что на самом деле нас нет / потому что мы являемся всем сразу / разве можно выдержать такое? / вот мы и прячемся за своё изображение / и я, я тоже не более чем просто изображение / и если зеркало вдруг разобьется / не будет и меня самого

Дочитав текст, Юра перевернул брошюру обложкой вверх и прочитал её название. Книжка называлась: «Телекомпания „Дежавю“: лучшие телецитаты года». Имя автора на ней указано не было.

– Эту книгу написал телевизор! – заорал Юра и навсегда сошел с ума.

Два последующих дня он прятался на городской помойке в Восьмой зоне, но от высокого уровня радиации у него начались галлюцинации. Ему мерещились люди, люди, люди... везде люди с одинаковыми телевизионными лицами...

С бешеной скоростью сменялись в глазах Юры хорошо знакомые улицы, дома, магазины, церкви... вот проспект Свободы, Чернобыльский проспект, площадь Народного Согласия, улица героев Чечни, Калашников переулочек, улица Двадцати Шести Бакинских Коммерсантов... Дом военной книги, магазин «Полимер», Центр штатской одежды, Музей плакатного искусства... Кафедральный собор Чеченской, Дагестанской и Кавказской Православной Церкви... Монумент Славе, памятник убитому чувашскими сепаратистами генералу Полуфабрикату... свежие транспаранты: «Россияне! Нам нужна маленькая победоносная мировая война!», «Россияне! Помните о демографической проблеме! Голосуйте за сохранение смертной казни!», «Россияне! Не допустим потери генофонда нашего народа! Да здравствует запрещение абортов!».

Странно, что люди почти не обращают внимания на эти близкие сердцу каждого россиянина слова. Да и что это за люди, одно название... Заплывшие жиром, заросшие щетиной, с нетрезвой улыбкой лица мужчин; преждевременно постаревшие, холодные, с наклепленной секретарской улыбкой лица женщин; детских лиц в наличии не имеется...

Зато по городу ездят могучие танки, а на них сидят красивые молодые офицеры. Юра идёт мимо; он не смотрит на танки, а офицеры не смотрят на него. Это ничего, что они ездят – какая нам, в конце-то концов, разница! Это не наше дело. Может быть, того требует желание кого-нибудь из правительства срочно защитить Отечество. Но – тихо! – ведь если мы будем говорить слишком громко, то нас могут арестовать за разглашение государственной тайны...

Юра уже знал, что делать.

К этому выходу на охоту Юра готовился особенно тщательно. Он выкинул в мусоропровод маску, камуфляж и альпинистское снаряжение, выложил на середину комнаты свою брошюрку, несколько раз проверил крепость приклада ударами об стену и, наконец, сел в углу комнаты ждать – оставалось ещё пять-шесть минут. Наконец, телепрограмма «Чёрная Маска» началась. Пробежала знакомая заставка, имитирующая начало выпуска новостей и, наконец, большую часть экрана занял лоснящийся фальшивый образ тучного ведущего с противно торчащими усиками. Вёл он неторопливую и обстоятельную беседу с каким-то другим, почти нереальным образом, настолько знакомым и тоже до отвращения фальшивым, что...

– Ненавижу! – заорал Юра и ударил прикладом винтовки по своему собственному телевизионному изображению.

Очнулся он в удивительно знакомом месте вселенной. «Jardin de Mandelchtamme», – подумал Вологжанинов почему-то по-французски.

– Юра!

Он поднял голову. Рядом стояла виновато улыбающаяся Дина.

– Извини, опять опоздала. А что это ты такое читаешь?

Юра протянул ей лист. «Боже, это словно когда-то уже было со мной», – подумал он.

...некоторые суждения окружающих меня идиотов / вызывают чисто естествоиспытательский интерес / их немногочисленные мысли отражают / бесконечную неспособность человека шевелить мозгами

«СМЕРТЬ ЗАБИРАЕТ ЛУЧШИХ» / бред / даже смерть зачастую имеет некоторое понятие о демографии

«НЕ УМЕРЕТЬ, А ИМЕННО УСНУТЬ» / зачем уснуть? / это что, такой компромисс? / это когда вроде бы устайшь жить, а умереть все ещё страшно? / да это же вся та же жизнь, только напрочь лишенная ответственности! / простите, не по мне / предпочитаю понимать слово «уснуть» в первоначальном меркантильном смысле / так что постарайтесь дать мне поспать / а я постараюсь не опоздать завтра на свою работу

– Знаешь, по-моему, это дикая ахиня, и читать там дальше решительно нечего, – пробормотал Юра.

– Ну и не надо, почитаю в автобусе занудство, которое вы тиражируете в своём издательстве... – ответила Дина, после чего воткнула в щель скамейки остаток книжных страниц и вдруг умоляюще добавила: – Смотри, Юрка, на нас люди смотрят! Давай пойдем куда-нибудь?

– Давай, – ответил Юра, нервно вытирая со лба холодный пот.

И они пошли.

18 августа (Санкт-Петербург) – ночь с 29 на 30 августа 2000 года (Москва).

Семидесятые

Джимми затянулся, осмотрел сигарету со всех сторон и, убедившись в её низком КПД, с сожалением отбросил окурочок в сторону. Ваня задумчиво вертел в руках телефонный провод. Был рабочий день, но оба никуда не торопились: торопиться было некуда.

– Сейчас, знаешь ли, уже скучно, старичок, – задумчиво пробормотал Джимми. – Никто на тебя не давит, свобода. Делаешь все, что хочешь, и даже милиция вроде все та же, а при-смотришься – и меньше её стало, и сама она стала меньше.

Он показал большим и указательным пальцами, какого размера стала милиция. «Сантиметров десять», – подумал Ваня, пытаясь подцепить ногтем край изоляции.

– Нету задора, и какие-то мы все холодные, без огонька, – продолжал Джимми. – Вот то ли дело – семидесятые!.. Да ты не знаешь, тебе же тридцать пять всего, то ли дело – я... Хочешь, расскажу?

Ваня попробовал провод на зуб. Было ясно, что Джимми начнет рассказывать о семидесятых в любом случае.

– Ну раз хочешь, тогда слушай. Только внимательно и не отвлекайся! – наставительно произнес Джимми и начал излагать краткий курс своих воспоминаний, который и воспроизводится нами ниже – дословно, от первого лица, как и было рассказано.

Значится, дело было в Ленинграде, конечно. Это так раньше Питер назывался, ну ты знаешь, он и сейчас здесь находится, как раз там, где ты сидишь.

Почему в Ленинграде? Потому что культовый город был, не Уфа какая-нибудь, откуда, кстати, Юра Шеф в Питер приехал – сколачивать новый состав группы «ДДТ». А все потому, что его менты ловили и на картошку отправляли чуть ли не раз в неделю. Вот возьмут, поймают и говорят: «Ну ты, Юра, попал, – да-да, именно с таким количеством запятых, – иди-ка ты на картошку, отдавай супружеский долг Родине!» А если январь, к примеру? Все равно иди, говорят; мол, главное – дисциплинарное взыскание за волосы ниже плеч и за то, что в ваш репертуар входит четыре неутвержденные, а значит ненаписанные песни «Led Zeppelin!» Ну вот, Юре и надоело это динамо, так что он наскоро собрал вещмешок да и рванул в Тибет. Но на границе его уже другие менты завернули и сказали: «Делай, что хочешь, – на волю не выпустим». А он и сам не знал, что хотел, – так и попал в Ленинград. Только это уже в конце семидесятых было, а в начале он бы и границу Уфы не пересек, только за десятку швейцару, да-да.

Так я о семидесятых, старичок. Горячее было время! Снега, например, почти не выпадало, только зимой немного. А летом даже воду горячую отключали, потому что холодная все равно была как горячая. Пиво пили на скорость, так как оно моментом в кружке высыхало. А портвейн вообще только кипяченым продавался. Гадость, конечно, но с гвоздикой и корицей – полный умат, точно тебе говорю. В общем, так вот глинтвейн в Ленинграде и изобрели. Чего, думаешь, не в Ленинграде? Нет, старичок, ты меня не путай, все-все изобрели в Ленинграде. И часы, и лампочку электрическую, и печатные машинки. И Кремль тоже в Ленинграде стоял, это его потом уже в Москву перенесли, когда Выхино построили. Выхино зачем? Ну ты даешь! Да без Выхина Москва вообще ни разу не существовала, Выхино – это, если хочешь знать, колыбель московской цивилизации! И Кремль поэтому сейчас стоит не где-нибудь, а ровно в северо-западном Выхине.

Вот так-то, старичок, такие были семидесятые. А до них ничего-ничего не было. Ну, может, только совсем немного шестидесятых. Но очень уж мало, несущественно как-то. «Битлз», опять же, были: пятеро и все негры, с гитарами. А ещё они вели молодежь за Иисуса и ненавидели Ку-клукс-клан. Но это те «Битлз», которые в Америке. Во Франции и Швеции были свои «Битлз», ну в Греции немного. А больше никаких «Битлз» не было.

Некоторые, правда, говорят, что была ещё какая-то Дженис Джоплин, а один крутой пельмень из Рязани встретил в туалете Казанского вокзала живого Джимми Хендрикса. Ну да, я тоже его видел. Вон он сидит, левее от тебя, в Тихвине, Господу всеблагому молится. А знаешь почему? Потому что у него там, на вокзале, не только гитара сторела, но и взаправдашняя фотография Мартина Лютера Кинга, который ему приходится дальним родственником. Мелочь вроде бы, а все равно жалко.

Я тогда ещё молодой был, в школе учился, но поскольку дважды оставался на второй год, постоянно путаю, когда начались семидесятые. Точно при Брежнев, а вот в 1967-м или 1968-м году – точно не скажу, не помню. Может, конечно, в 1969-м, но это вряд ли, потому что из школы меня тогда уже исключили. Мне тогда директор школы так и сказал: «Паша (так меня тогда звали), ты мальчик хороший, статью по тунеядке не хочешь, так что устройся-ка ты в дворники, а потом сходи в армию, если, конечно, тебя туда примут». Так оно и повелось: встану я с утра – и вперед, на улицу, окурки собирать. Наберу банку – отдаю директору, а он на феньки меняет. Так и жили, по-людски, по-простому.

Потом я уже с другими такими же познакомился, во дворе. Они олдовые от рождения были, ещё до семидесятых. Мы с ними пластинки разные слушали: румынскую эстраду, грузинские народные танцы – под «Роллинг Стоунз», конечно. А когда мне исполнилось пятнадцать, они сказали, что уже можно, и повели на Невский.

Вот сижу я сейчас и вспоминаю: хайр у меня был во-о-от такой, клеша во-о-от такие, парусиновые, в горошек. И рубашка болгарская навывпуск – женская, конечно, чтоб моднее. А на волосы я надел настоящий ошейник для кенгуру, мне его в три года в зоопарке австралийцы подарили – знаешь, маленькие такие, черненькие, все сидят, колу пьют и клювами перышки чистят.

Невский тогда начинался от Дворцовой площади и заканчивался где-то в юго-восточном Дегунине, это его уже потом перестраивали, когда Брежнев умер. Были ещё на нем московский вокзал какой-то, гостинный двор какой-то, казанский собор вообще непонятно какой и один самый настоящий Сайгон. Вот его-то я и помню лучше всего: такой большой, блестящий, похожий на большую киргиз-кайсацкую юрту, только без соломы и матюгов.

Там тогда разные люди толпились – маленькие, большие, с волосами, без волос и даже девочки. Ходил, к примеру, Юрий Морозов, постоянно музыку сочинял и ловил руками воображаемого Джорджа Хариссона. А иногда из Москвы Макаревич приезжал, чтоб ему девочки ногти стригли, сам он не умел. А Кутиков с Подгородецким тогда вообще ещё не родились. Родился только Маргулис, да и тот сначала был девочкой, это он уже потом вырос.

Еще в Сайгоне продавалось пиво, двугривенный за графин, и все залезали пить его в огромный холодильник, потому что невозможно жаркое время было. Большой такой, на тысячу двести мест, самый большой в мире. Нет, ещё другой был, в Лондоне на стадионе «Хайбери», футболистов после матча остужать. Но там только четыреста человек помещалось, да и то только если бутылки раздвинуть. А милиция в то время в Ленинграде тоже ходила с длинными волосами, которые росли у неё под одеждой и снимались вместе с формой, на ночь. Им поэтому особенно жарко было, и они тоже всегда хотели в холодильник. Но на входе стоял огромный мускулистый Морозов и, если кто подходил поближе, обнимал и целовал в губы – такой у него был обычай.

Вот так приходишь в Сайгон, пива купишь и тащишься на верхней полке под «Сержанта Пеппера». Ну а если совсем по кайфу, то зайдешь на пару минут в морозилку, ледку добавишь – и на улицу греться, в чем мать родила.

Женщины, кстати, тогда тоже ходили только голые, но не все, а только настоящие коммунистки. А поскольку таких не было, то и голых женщин на улице никто не видел – кроме тех, что специально по разнарядке финским туристам показывали. Спасу от этих финнов не было.

Бывало, и улицу перекроют от них, а они все лезут и лезут, пытаются нам свои западные шмотки продать. А зачем нам это барахло, когда у нас свои западные шмотки есть?

Вот, бывало, зайдет БГ к Гребенщикову с новым фуззом, джинсёй и примочками и говорит: «Борис, потопали на сейшн!» А тот отвечает: «Не, в лом, я поэму пишу». Но потом они договариваются и едут в Автово, которое в честь автовокзала назвали (ну он, конечно, не сохранился). Говорят, написал, опубликовал в газете «Правда», пипл приторчал, конечно, – только теперь поэма эта утеряна, никто найти не может. Наверное, потому, что запихнули её на последнюю страницу, а кто до неё дочитывать будет – тем более «Правду»?

А сейшена тогда были не такие, как сейчас – да сейчас никаких нет. Все прогрессивные пельмени собирались у пивной палатки, что в Стрельне, а потом по одному шли на танцы в заводской ДК, где на всю улицу играли лучшие хиты «Арабесок» и Эдуарда Хилья. А Гребенщиков там работал танцовщиком и очень сексуально раздевался на сцене. Потом всем приносили пива и включали «Битлз», а раздевались тогда уже местные танцовщики.

Все это жутко преследовалось, потому что власти не хотели, чтобы кто-то раздевался, если он не коммунист. И у всех были неприятности от этого. Макаревича не приняли в пионеры, Морозова ни разу не опубликовали в «Правде», а по радио передавали сплошь «Голос Америки», потому что под него раздеваться неудобно было – голова мешала.

Вот так и жили год за годом: 1973, 1975, 1972 годы. Хорошо жили, интересно и совсем не старели, один только Маргулис вырос и забеременел Подгородецким. А в 1978 году в Ленинграде появились первые панки, и холодильник в Сайгоне пришлось достраивать. Тогда Ленсовет на специальном совещании по рекомендации БГ пригласил в прорабы Андрея Тропилло, хотя Гребенщиков был против, да и Морозов этого Тропилло не любил, потому что он не был похож на Хариссона и не хотел целоваться.

А Тропилло тогда уже исполнилось восемьдесят лет, и все думали, что он старый, а он просто рос в обратную сторону, и на самом деле ему все завидовали, что он в «Правде» постоянно публикуется, хоть и в разделе объявлений: «Меняю старые ламповые усилители на новые». Так успешно менял, что Морозов обиделся и как-то по-тихому уехал жить в Израиль, а вместо себя в Сайгоне оставил Майка Науменко.

Майк Науменко со своим братом-близнецом Сашей Агеевым тогда писал книгу о том, как их обидели на выставке французской живописи, отказавшись показать редкий автограф Анри Волохонского. Мало кто знает, но Гребенщиков с Майком там и познакомились.

– Майк, пойдём пить чай! – говорит Гребенщиков.

– Нет, я только водку, – отвечает Майк.

А водку тогда ещё не изобрели. Майк изобрел водку.

Потом, говорят, БГ за Тропилло посадили, Гребенщиков ему в Кресты передачи носил, а их у него отбирали и отправляли голодающим детям Эфиопии. Но БГ все терпел и только ждал, когда статью отменят, потому что таких сроков, какой ему впаляли, не бывает.

А к власти тогда в Ленинграде панки пришли, и их главарь, Свинья, став председателем Ленсовета, собрал первую настоящую панк-группу – бригаду асфальтоукладчиков на Пулковском шоссе. Жгли, говорят, круто: до сих пор куски шлака валяются от Финляндского вокзала до самого аэропорта. А ещё Свинья приказал снести все памятники Ленину и поставить на их месте автоматы с газированной водой. Говорят, это-то и доконало Брежнева: у него от газированной воды изжога была. Так что Свинью уволили, а вместо него председателем Ленсовета назначили какого-то директора прачечной.

Свинья от всех неприятностей поседел, забеременел и в 1979 году родил маленьких, лысеньких и смеющихся Цоя, Кинчева и Силю. Росли братья не по дням, а по часам. Кинчев в два месяца уже бас-гитару поднимал, Силя – бас-бочку, а Цой придумал обидное про своего дружка из соседнего подъезда: «Какая рыба в океане падает быстрее всех». Это уже потом приписали БГ, который в то время в тюрьме был и песен не писал.

Узнав об аресте БГ, Гребенщиков не на шутку испугался и решил построить свой маленький Ленсовет на Охте, неподалеку от Оккервиля, только ему там Сева Гаккель очень мешал своей виолончелью, ныл под ухом. Однажды, помню, сидят они с Майком на берегу и думают: как бы это так свой Ленсовет построить? А тут подходит хитрый такой Тропилло и говорит: «Дудки, ребята! Как можно построить то, что и так уже есть?» Приздумались мужики и решили от огорчения в музыканты пойти, а Тропилло в барабанщики взять. Но все планы им испортили гастроли в СССР американской поп-звезды Саманты Смит. Это тогда редкое событие было, да только она оказалась настоящей коммунисткой, и народу её не показали. Говорят, финские туристы в зале устроили дебош и коллективную мастурбацию, отчего их выгнали и не пускали в СССР до самой перестройки.

Когда финны уехали, ленинградцы вздохнули с облегчением, но вместо них в Питере опять завелись менты – какие-то новые, безволосые. Люди их жутко боялись и из сайгонской морозилки выбегали на улицу только в плавках, чтобы их за коммунистов не приняли. А музыкантов – тех просто так на улице хомутали. Вот и получилось, что не стали Майк с Гребенщиковым музыкантами. А то, что там записано на всяких дисках, – так это Тропилло на студии в Америке за них спел.

А Гребенщиков тогда работал на засекреченной ветке метро, её от Смольного к Полюстрову вели, чтобы никто не догадался, куда она дальше построена. Но многие все-таки догадывались, и тогда их заменяли другими, а уволенные собирались пить водку у Михайловского замка, который из-за них в конце концов и прозвали Инженерным. Делать им было нечего, а потому их все боялись. Ну а потом, когда у них появились рогатки и многоручные ложки, все сразу поняли, что водка тут не при чем. К тому же Майк её хоть и изобрел, но сам не пил, все ездил продавать в Москву, за что его там очень не любили – разумеется, взаимно.

Примерно в 1982 году семидесятые начали заканчиваться. Людей в Сайгоне стало так много, что они там уже не помещались. Цой себе построил кочегарку, Гребенщиков – аквариум, Майк – так и вовсе целый зоопарк воздвиг, а все остальные просто бродили по стадиону имени Кирова, и их всех из шланга поливали, чтобы хоть чуть-чуть остудить. И тогда директор прачечной под угрозой нового воцарения Свины приказал построить Ленинградский рок-клуб, где бы все и поместились, чтобы нежиться себе в морозилке и пить пиво. Кстати, Партия ему этого не простила, приказала вырвать ноздри и бросить их в Шлиссельбургскую крепость – но это уже потом было, в восьмидесятых.

Когда клуб закончили строить, оказалось, что он большой, как весь Ленинград. Внутри него стояли бары с пивом и тосненской текилой, официанты, замаскированные под КГБ, разносили графины по небольшим комфортабельным холодильникам. А ещё в клубе никогда не заходило солнце, и всегда пели птицы. Так что, узнав о рок-клубе и его безграничных размерах, в Ленинград стали съезжаться самые прогрессивные пельмени со всей страны. Башлачев из Череповца приехал – ростом семь метров, кулаки – как прицеп от КамАЗа, а если крикнет – так вороны мертвые с небес сыплются. Шевчук из Уфы наострил лыжи (ну об этом я уже говорил), Летов из Новосибирска, Бутусов из Свердловска. Вот, бывало, соберутся они в кружок, возьмут графин текилы и играют в преферанс на Кубок страны. Хорошо получалось, душевно.

Если б не карты, то никто бы их и не трогал, но Брежнев – тот преферанс не любил, потому что всегда проигрывал и на спор новые города строил: Нижний Громькинск, Верхний Косыгинск и Суловск-на-Полюсе. Только все они не сохранились, как и Ленинград. Так что когда Брежневу сообщили о том, чем наши советские пельмени в рок-клубе занимаются, он так разозлился, что подавился булочкой и лично застрелил министра внутренних дел Щелочкова. «Карты отобрать, клуб закрыть!» – закричал он и отправил в Ленинград Юрия Андропова, которому Тропилло и отдал карты – Тульской, Калужской и Белгородской областей, ни на одной из которых Андропов найти рок-клуб так и не смог, отчего уснул, заболел и умер.

Но Брежнев все равно уже почти успокоился и даже построил город Челябинск (он сохранился), а потом вообще врубился в латино-джаз, принял католичество и стал писать статьи в американские журналы о Джобиме и Сантане под псевдонимом Гы. Миллер.

Вот тогда хитрый Тропилло и стал знаменитым. Дали ему премию Ленинского Комсомола, новую квартиру на Невском, прямо у Сайгона, и назначили директором рок-клуба. А чтобы нагнать в холодильник самых матерых пельменей со всей страны, приказала ему Партия собирать фестивали раз в год. Почесал Тропилло за ухом да и принялся за дело. А для начала поставил у входа трех демонов-привратников – Кинчева, Цоя и Силу, которые уже тогда выше Адмиралтейства были и из железнодорожных рельсов фенечки плели.

Приехало народу со всей страны несколько миллионов, а потом и ещё больше. Самолеты, электрички, поезда – все виды транспорта были забиты прогрессивно мыслящими пельменями. Ну а самые завернутые перли пешком через Карелию, Коми и даже Карпаты. Некоторые города пустеть от этого стали – Магадан, Кемерово, Оренбург вымерли полностью, а в Алма-Ате осталась только съемочная группа «Казахфильма» – та самая, которая фильм «Игла» снимала с режиссером Соловьевым в главной роли.

Конечно, всю эту толпу куда-то ещё девать надо было. Сайгон пришлось закрыть на капитальный ремонт, Ленинградский рок-клуб тоже переполнился, несмотря на солидные размеры и прямое сообщение с нирваной. Люди в те дни ютились везде, даже на Смоленском кладбище некуда палатку воткнуть было. Построили тогда на юго-западной окраине Обухова новый район – Москву. Но там мало, кто хотел жить, потому что тогда всех прописки насильно лишали и впаривали потом статью за это. Так что уехали туда каких-то восемь миллионов, а остальные двести девяносто так в Ленинграде и жили.

А время становилось все жарче и жарче. Как Тропилло ни старался его охладить, ничего не получалось, даже строительство Ленинградского института холодильной промышленности не помогло. Некоторые люди даже умирать стали: Брежнев и малолетний сын его Черненко, Устинов, Андропов тот же. Один Горбачев не умер, питался внутренним холодом. А к 1985 году все электростанции СССР работали только на то, чтобы Ленинград остудить.

И тогда вдруг произошла Чернобыльская катастрофа. Все электростанции взорвались, а Ленинград стал нагреваться и выкипать, потому что некому его охлаждать уже было. «Бегите, я прикрою!» – закричал Гребенщиков, и все побежали – двести девяносто миллионов человек одновременно. Ну вот бежали они, бежали, да так и расселились по всей стране. А Ленинград перегрелся и взорвался к чертовой маме вместе с семидесятью и храбрым героем Гребенщиковым.

Потом, после взрыва, настали восьмидесятые, а с ними – холода, каких свет не видывал, и живем мы теперь от них в горе и лишениях, перегоревшие и отмороженные. На месте Ленинграда поставили Санкт-Петербург, а на месте Москвы – Москву, но уже другую, новую, с Кремлем. БГ вышел из тюрьмы по амнистии и записал памяти Гребенщикова «Русский альбом», а Вертинский посвятил ему выставку современного искусства и песню «Под небом голубым», где сам сыграл на всех инструментах и спел голосом своей второй жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.